

М.И. Рахимов¹ , Н.У. Шаяхмет² , Г.И. Рахимова³

¹Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан;

²Astana IT University, Астана, Казахстан;

³Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан

(E-mail: madi_025@mail.ru, nurbek_sh@mail.ru, ilyal_51@mail.ru)

Историко-культурный анализ мест травматической памяти в Павлодарском Прииртышье

В статье рассматриваются места травматической памяти Павлодарского Прииртышья как элемент культурного наследия, оставивший устойчивый след в коллективной памяти региона. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления сложных и трагических страниц истории, включая политические репрессии, голод, депортации и сопряжённые с ними социальные процессы, в контексте формирования национальной идентичности и восстановления исторической справедливости. Цель исследования заключается в выявлении и анализе ключевых мест травматической памяти Павлодарского Прииртышья, а также в определении их роли в поддержании и трансляции исторической памяти в современном обществе. В результате исследования установлено, что места травматической памяти региона представлены не только официально оформленными мемориалами, но и символическими локусами памяти, закреплёнными в устных традициях, локальных практиках и формах сакрализации пространства. Показано, что данные места воспринимаются населением как значимые маркеры коллективного опыта, способствующие осмыслению прошлого и формированию ценностей общественного согласия, особенно в молодёжной среде. Сделан вывод о том, что изучение и сохранение мест травматической памяти Павлодарского Прииртышья имеет существенное значение для укрепления исторического сознания, национальной идентичности и преемственности культурной памяти. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов в научно-исследовательской и образовательной деятельности, а также при разработке программ по сохранению и популяризации наследия региона.

Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье, мемориалы, сакрализация, травматическая память, историко-культурный анализ, политические репрессии, голод, депортация, национальная идентичность, историческая справедливость.

Введение

Павлодарское Прииртышье является регионом с богатым историко-культурным наследием и множеством сакральных мест, которые вносят значительный вклад в формирование исторической памяти. Особое значение имеют места, связанные с травматической памятью и отражающие различные исторические эпизоды, включая советский период, репрессии, войны и голод. Подобные пространства аккумулируют коллективные переживания, выступая важным ресурсом исторического и культурного самосознания.

Историко-культурное наследие Павлодарского Прииртышья включает материальные и нематериальные компоненты, связанные с трагическими событиями прошлого. Материальные свидетельства — мемориальные комплексы, памятники, места массовых захоронений, а также сохранившиеся здания и сооружения — фиксируют опыт страданий и испытаний, выпавших на долю местного населения. Нематериальные элементы — народные предания, устные истории, локальные ритуалы — поддерживают связь с прошлым и обеспечивают передачу памяти новым поколениям.

Изучение мест травматической памяти представляет собой сложный междисциплинарный процесс, требующий интеграции различных научных подходов. Существенную роль играют архивные данные и картографические материалы, а также культурно-антропологический анализ, позволяющий выявить символическое и ритуальное измерение места памяти. Анализ таких пространств важен не только для уточнения их исторического содержания, но и для понимания механизмов их влияния на современное общество и публичные практики памяти.

В данном исследовании проводится историко-культурный анализ мест травматической памяти Павлодарского Прииртышья с целью выявления их роли в коллективной памяти и национальной

* Автор-корреспондент. E-mail: madi_025@mail.ru

идентичности региона. Такой подход позволяет сохранять и транслировать историческую правду, одновременно содействуя формированию более зрелого и осознанного отношения к собственной истории у современных и будущих поколений.

Материалы и методы

Исследование опирается на широкую источниковую базу, включающую неопубликованные архивные материалы, корпус периодической печати, изданные документальные сборники, устно-исторические свидетельства и визуальные источники. Существенную часть документального массива составляют официально опубликованные издания. Среди них выделяется многотомный (всего 31 том) труд Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, особенно том семнадцатый, посвящённый материалам по Павлодарской области [1]. Важным источником также стал третий том сборника «Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 годы» [2], а также сборник «Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории» [3], отражающие особенности принудительного переселения и правовое положение спецпереселенцев. Региональные издания, такие как «Азалы кітап» [4] и «Строкой архивного документа» [5], представляют собой своды, включающие списки расстрелянных, журналы и личную переписку заключённых, что придаёт исследованию дополнительную эмоциональную и фактическую глубину.

Для уточнения масштабов демографических потерь привлечены статистические отчёты, подготовленные органами Наркомата внутренних дел. Важную группу первичных источников составили материалы из фондов Государственного архива Павлодарской области. Так, фонд 91, дело 6 [6] содержит прокурорско-следственные документы, связанные с кампанией по заготовке хлеба в 1929 году. В фонде 128, опись 1, дело 32 [7] представлены протоколы сельских сходов, агитационные листовки и доносы, относящиеся ко времени раскулачивания и коллективизации. Эти документы позволяют реконструировать локальные конфликты, выявить особенности общественных настроений и степень сопротивления населения проводимым мерам.

Таким образом, использование разнотипных источников и применение междисциплинарного подхода обеспечили репрезентативность сделанных выводов. Это позволило рассматривать места травматической памяти не только как элементы историко-культурного наследия, но и как значимые пространства формирования общественных представлений о прошлом, глубоко закреплённые в локальной истории Павлодарского Прииртышья.

В исследовании использован совокупный подход, опирающийся на методы исторического анализа, семиотической интерпретации и полевых наблюдений. Исторический метод позволил обратиться к архивным источникам, документам советского периода, материалам региональных архивов, что дало возможность реконструировать события, связанные с коллективизацией, репрессиями, депортациями и голодом в Павлодарском Прииртышье. Особое внимание уделено выявлению механизмов формирования исторической памяти на основе документальных свидетельств и статистических данных.

Семиотический анализ применялся для осмысления визуальных и архитектурных элементов памятных мест и мемориалов как знаковых систем. Это позволило выявить символику, заложенную в образы, формы и тексты, использованные при создании памятников, а также определить их функции в структуре национального самосознания.

Метод сравнительно-исторического анализа использован при сопоставлении локальных форм памяти с более широким контекстом постсоветского пространства, что позволило выявить особенности казахстанского опыта интерпретации трагических страниц прошлого.

Полевые наблюдения включали фиксацию состояния мемориальных объектов, их включённости в общественные практики, а также сбор визуального материала (фотографий, схем размещения памятных объектов). Это позволило задокументировать современное восприятие этих мест и отразить способы их актуализации в общественном сознании.

Методы исследования дополняются дискурсивным и микроисторическим подходами. Дискурсивный подход сосредоточен на анализе нарративов, посредством которых осмысляется трагическое прошлое и формируется общественное отношение к нему. Микроисторический подход направлен на реконструкцию судеб отдельных людей, чьи жизненные истории репрезентируют широкий историко-культурный контекст исследуемых событий.

Результаты

Исследование травматической памяти в Павлодарском Прииртышье сосредоточено на событиях 1930–1950-х годов. В этот период насильственная коллективизация привела к массовому голоду, за которым последовали политические репрессии, а затем тяжёлые военные потери. Долгое время эти эпизоды замалчивались либо подвергались идеологическому искажению, что ослабляло коллективную память и формировало устойчивые пробелы в понимании собственной истории. Анализ мемуаров, архивных документов и устных свидетельств позволяет уточнить содержание событий и восстановить более целостную картину пережитых трагедий.

Реконструкция деталей указанного периода требует не только обращения к архивным материалам, но и изучения мест памяти, мемуаров и устных рассказов очевидцев. Места памяти выступают значимым механизмом сохранения коллективного опыта и одновременно источником для интерпретации исторических процессов. Как отмечал Пьер Нора, «независимость новых наций вмещалась в историческое время обществ, уже пробужденных от онтологического сна колониальным насилием... И этот же порыв вызвал внутреннюю деколонизацию, деколонизацию всех малых народов, групп, семей, всех тех, кто обладал сильным капиталом памяти» [8; 17]. Нора связывает память с эмоциональным переживанием настоящего и реконструкцией прошлого, подчёркивая значимость символических мест для устойчивости исторической памяти.

В контексте анализа мест травматической памяти в Павлодарском Прииртышье продуктивна концепция палимпсестов Андреаса Хюссена. Согласно его утверждению, «палимпсесты городской памяти представляют собой многослойное наложение различных временных пластов, где каждый новый слой не стирает предыдущий, а взаимодействует с ним» [9; 8]. Это позволяет рассматривать мемориалы жертвам репрессий как пространства пересечения исторических слоёв памяти о трагедиях различных эпох — от сталинских репрессий до памяти о Второй мировой войне.

Применяя концепцию постпамяти Марианны Хирш, можно отметить, что травматический опыт предыдущих поколений в Павлодарском Прииртышье продолжает передаваться через семейные рассказы и визуальные символы. Хирш подчёркивает, что «постпамять проявляется в тех случаях, когда потомки переживают опыт своих предков как часть своей собственной идентичности, хотя они сами не были непосредственными свидетелями событий» [10; 106]. Это особенно актуально для потомков жертв голода 1930-х годов, которые через рассказы своих родителей и бабушек продолжают удерживать память о трагедии как компонент семейной и групповой идентичности.

Дополнительно анализ коллективного траура, предложенный Александром Эткиндо, применим к изучению ритуалов памяти о жертвах политических репрессий в регионе. Эткиндо подчёркивает, что «коллективный траур не только сохраняет память о погибших, но и служит способом выражения несбывшихся надежд и справедливости» [11; 221]. В данном случае ритуализация памяти выступает общественным механизмом проговаривания травмы и символического восстановления справедливости.

Осознание масштабов трагедий побудило государство предпринять шаги по восстановлению исторической справедливости. С обретением независимости была создана Государственная комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, работавшая в 1992–2001 годах. По расчётам демографа Макаша Татимова, совокупные потери населения Казахстана от голода 1930-х годов и последующих репрессий достигли примерно 2,3 млн человек [12; 33]. В 2020–2023 годах работу по уточнению списков пострадавших и расширению источниковой базы продолжила межведомственная комиссия. Итогом её деятельности стала 31-томная публикация архивных материалов, из которых 17-й том посвящён документам по Павлодарской области [1].

Как отмечают казахстанские учёные, тема фронта тесно связана с травматической памятью, и трагические события, пережитые депортированными на территорию Казахстана этническими группами, являются неотъемлемой частью отечественного исторического нарратива [13; 20]. Эти группы сохраняли собственные культурные коды и формы памяти, что добавляет важное измерение к региональной истории и подчёркивает многослойность казахстанской идентичности.

В 1920–30-х годах Павлодарская область, как и другие регионы Казахстана, пережила коллективизацию, предполагавшую насильственное изъятие мяса и хлеба у баев, зажиточных крестьян (кулаков) и даже у середняков, подозреваемых в укрывательстве продовольствия. Процесс сопровождался репрессивными мерами, включая создание «комитетов бедноты», активно участвовавших в выявлении и наказании тех, кто сопротивлялся мясо- и хлебозаготовкам и политике советской власти.

Кампания по насильственному изъятию зерна стала предвестником более широкомасштабной политики раскулачивания, начавшейся в конце 1929 года [5; 167]. Политика раскулачивания включала массовое изъятие имущества у баев и крестьян, обвиняемых в кулачестве, а также их насильственную депортацию в отдалённые районы, где они были вынуждены выживать в суровых условиях.

О репрессивных мерах при хлебозаготовках свидетельствуют документы 1929 года. В циркулярном письме окружного прокурора Шефера, направленном в окружной суд, сказано: «Несмотря на наличие хлебных излишков, обязательства, принятые на сельских сходах, кулаки злостно не выполняют. Требуется быстрое и решительное изменение курса с применением к злостным кулакам наиболее действенных судебных мер воздействия. Одной из таких мер является применение ст. 107 УК. В обеспечение конфискации по приговору суда следует, в порядке ст. 121-а УПК, налагать арест на имущество» [6].

Репрессии затронули десятки тысяч казахских семей, лишив их средств к существованию и разрушив привычный уклад жизни. В результате карательных мер и насильственной коллективизации, сопровождавшейся конфискацией имущества и принудительными перемещениями, тысячи людей оказались в условиях крайней нищеты и бесправия.

Из воспоминаний Алжана Орумбаевича об отце: «Орынбай Тналиев родился в 1893 году в селе Бамачное Урлютюбской волости Павлодарского уезда. Происходил из семьи батрака; сам с шестнадцати лет батрачил, имел собственное хозяйство и занимался земледелием и скотоводством. В 1931-1932 годах организовал столовую для голодающих, спасая многих людей от голодной смерти. В 1935 году в ауле Солдатагаш он создал новый колхоз, председателем которого был избран. В 1938 году ему предъявили обвинения по статьям 58-2, 58-7 и 58-11 УК РСФСР за контрреволюционные преступления и отправили на Колыму» [14; 217].

Как отмечает Сара Камерон, Москва стремилась превратить Казахстан в центр производства мяса, способный соперничать с Чикаго, однако радикальная государственная программа преобразований привела к полному краху скотоводческой экономики в республике. К осени 1933 года Казахстан потерял 90 % скота, что стало причиной коллапса всей системы животноводства [15; 12].

По сведениям Т. Омарбекова, из-за политики коллективизации по всей стране начались массовые протесты и народные восстания против произвола советского режима, которые были жестоко подавлены. Восстания замалчивались и не упоминались в периодической печати и официальных документах [16; 10].

Протесты бедных слоёв населения против коллективизации прослеживаются по ряду свидетельств. Так, в селе Аввакумовка Иртышского района крестьяне, а также представители сельсовета открыто выступили против хлебозаготовок: они отказались принимать план на село, а при аресте кулаков встали на их защиту [16]. Подобные настроения отмечались и в других районах. В селе Краснокутск (ныне Актогайский район Павлодарской области) на собрании, где большинство составляли середняки, также отказались принять план хлебозаготовок [17]. В другом селе Иртышского района были распространены листовки с обращением: «Уважаемые крестьяне! Мы видим, что на протяжении 10 лет Советская власть нас грабит и продолжает это делать беспощадно. Сколько еще мы будем это терпеть? Давайте объединяться, чтобы взять власть в свои руки. Организовывайтесь быстрее!» [18].

Коллективизация привела к масштабному гуманитарному кризису, в ходе которого более 300 тысяч человек Павлодарского Прииртышья оказались на грани голода. Стремление советской власти к быстрым и радикальным преобразованиям сельского хозяйства обернулось трагедией для миллионов людей, многие из которых погибли либо навсегда утратили дом, семью и привычные социальные связи.

Согласно имеющимся данным, на территории Павлодарской области обнаружено 42 места массовых захоронений, относящихся к периоду голода. Одно из таких мест находится неподалёку от реки Иртыш, на старом мусульманском кладбище. Эти захоронения являются прямым свидетельством трагедий, произошедших в регионе во время голода 1930-х годов. Свидетельством служат и воспоминания очевидцев. Так, аксакал из Железинского района Капар Жумабекович Жумабеков вспоминал: «В 1930–1932 годах в наших местах был сильный голод, многие аульчане остались без хлеба. Часть жителей не выдержала голодовки — многие начали умирать. Это явление приобрело массовый характер. Вот на этом участке земли, рассказывали люди, которых самих сегодня нет в живых, похоронены от 150 до 200 человек. Точного количества людей, которые умерли в данном месте, не знает

никто. Тогда усопших клали друг на друга, отделяя их тела белым материалом. Так что в одной могиле могло быть по несколько человек» [5; 181].

В память о жертвах этих событий 31 мая 2012 года неподалёку от указанного места установлен памятник. На постаменте изображена иссохшая фигура умершей женщины, рядом — плачущий и истощённый маленький ребёнок. На заднем плане находится массивная бетонная стена, в центре которой — шанырак как символ домашнего очага. Почти разрушенный шанырак олицетворяет бедственное положение, в котором оказался казахский народ. Сквозь разрушенный шанырак пробивается молодое деревце, символизирующее надежду и продолжение жизни даже в условиях катастрофы [19; 455]. Автор скульптуры Марат Абылкасимов подчёркивает, что жёсткость и трагичность образа обусловлены глубиной пережитой трагедии. Монумент занимает площадь в 22 метра, высота скульптуры составляет около трёх метров (Рис.1).

Рисунок 1. Памятник жертвам массового голода. Фото сделано авторами.

Мемориал выступает символом скорби и одновременно публичным напоминанием о тяжёлых испытаниях, через которые прошли жители Павлодарской области и всего Казахстана в период коллективизации и голода. Сам факт его создания и открытие подчеркивают значимость сохранения исторической памяти о трагических страницах прошлого как средства профилактики гуманитарных катастроф и насилия в будущем.

Аналогичным местом памяти в Павлодаре является мемориал жертвам политических репрессий, посвящённый людям, пострадавшим в результате сталинских репрессий. В Павлодарской области репрессиям подверглись более 4 тысяч человек, многие из которых являлись представителями интеллигенции. Среди них Жусупбек Аймауытов, Абиkey Сатпаев, Жұмат Шанин, Қабыш Бердалин, Ахметолла Барлыбаев, Мұқыш Боштаев, Асылбек, Муратбек, Мусылманбек Сеитовы и многие другие. Мемориал, расположенный возле набережной города, символизирует трагедию тысяч невинных жизней, разрушенных сталинскими политическими репрессиями.

Этот мемориал отражает важность сохранения исторической памяти о жертвах тех лет и функционирует как пространство публичного траура. Памятник выполнен с выраженной символикой, транслирующей скорбь и боль людей, пострадавших от репрессивной системы. Тем самым он актуализирует необходимость осмысления прошлого и предотвращения подобных трагедий в будущем.

Мемориал состоит из семи кубов из чёрного мрамора, соединённых колючей проволокой, отсылающей к лагерной реальности. В центре расположен восьмиугольный постамент как символический элемент культуры тюркских народов. На постаменте изображён знак бесконечности, а по краям — символы четырёх мировых религий: христианское распятие, исламский полумесяц, звезда Давида и буддийское колесо жизни (Рис.2).

Рисунок 2. Памятник жертвам политических репрессий. Фото сделано авторами.

Слева от кубов расположена стела с цитатой Первого Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева: «Память о миллионах людей разной этнической и религиозной принадлежности, попавших в жернова тоталитарной системы, для нас, граждан свободного Казахстана, всегда была и будет священна». Справа размещена стела с надписью «Вечная память», выполненной на языках 40 этнических групп, подвергшихся арестам, ссылкам, депортации и расстрелам в годы репрессий [19; 456].

Павлодарская область, как и многие другие регионы Казахстана, стала местом размещения депортированных народов в годы массовых репрессий. В регионе были организованы специальные лагеря и поселения, в которых депортированные жили в крайне тяжёлых условиях. Лагеря нередко располагались в удалённых и малонаселённых районах, где переселённые были вынуждены строить жильё и включаться в сельскохозяйственные работы в условиях сурового климата и дефицита ресурсов.

Специальные поселения представляли собой закрытые посёлки, где депортированные находились под строгим надзором НКВД. Люди не имели права покинуть поселение без разрешения, а их повседневность была регламентирована. Часто отсутствовала базовая инфраструктура, что делало условия жизни ещё более тяжёлыми. Со временем в этих спецпоселениях были организованы колхозы и совхозы, названия некоторых из которых сохранялись до 1990-х годов. Например, посёлки Тельман и Роте-фан, основанные немцами, депортированными в Казахстан [20; 32].

О тяжёлом положении спецпереселенцев свидетельствуют документы того времени. Доклад председателя Алгинского сельсовета Насира Ахметова о прибывших из Северного Кавказа: «Имеем всего 22 дома, истощённых — 39 человек. Оказываем необходимую помощь. Истощённому спецпереселенцу выдаём 1 литр молока с хлебом, хоть и из отходов». Доклад заведующего совхозным отделом обкома партии Еричева секретарю обкома Арменкову от 17 мая 1943 года: «Особенно тяжёлое положение у немецкого населения. Например, начальник политотдела Калининского совхоза тов. Панкратов сообщает обкому: «Немецкое население численностью 298 человек, из них 166 детей в возрасте от 3 до 12 лет, находится в чрезвычайно тяжёлом состоянии: многие семьи лежат опухшие вместе с детьми из-за отсутствия хлеба и других продуктов питания» [14; 190].

Точных данных о количестве депортированных в Павлодарскую область пока нет, однако известно, что в 1940-х годах сюда были переселены 750 иранцев. В 1942 году в регион прибыло 37 703 немца, а к марту 1944 года здесь было расселено 41 773 чеченца и ингуша. В начале войны в Павлодарской области также оказались 1 207 поляков. Эти цифры демонстрируют масштаб депортаций и указывают на тяжёлые условия адаптации: резкий контраст климата, отсутствие подготовленного жилья, хронический дефицит продовольствия и медицинской помощи, а также обязательное привлечение к изнурительным работам в степных совхозах усиливали уязвимость переселённых групп [2; 120].

Особую ценность представляют свидетельства депортированных, фиксирующие повседневный опыт насильственного переселения и адаптации. В сборнике «Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории» приводится воспоминание Марты Григорьевны Бепле, немки, депортированной в 1941 году из Азербайджанской ССР в Лебяжинский район Павлодарской области: «...когда мы сюда приехали, тут были немцы поволжские, поляки, чеченцы после нас приехали. Когда с Баку привезли, мы стояли трое суток в Семипалатинске. Мужчины нашли штакетники и зажгли костры. Потом грузили на баржу, и приехали в Лебяжье, открыто, холодно уже было. Седьмого ноября нас выгрузили. В школу поместили. Там начали распределять. наших мужей всех собрали, ночью приехали и забрали. Я с ребенком осталась в семье Колдубай. Столько там была, жила с ней вместе

до 1953 года. Каждый месяц, пятнадцать лет, с 1941 по 1955 год, ходили в милицию. Не имели права ни в другой поселок ехать без разрешения...» [3; 368]. Данное свидетельство отражает травматический опыт депортации и режим спецпоселения, а также формы повседневного выживания, основанные на поддержке местного населения.

Система ГУЛАГ функционировала на территории Павлодарской области и была связана со второй волной репрессий в послевоенные годы. Одним из таких лагерей был Песчанлаг (лагерь № 8), организованный 5 сентября 1949 года на базе лагеря военнопленных № 99. Он считался особым и предназначался для содержания политических заключённых; функционировал до 24 августа 1955 года.

На 1 января 1952 года в Песчанлаге содержалось максимальное количество заключённых — 39 612 человек. Данные за 1954 год показывают, что из 23 160 заключённых 22 718 были осуждены за политические взгляды (по статье 58 УК РСФСР), тогда как 442 человека получили сроки по бытовым и иным уголовным статьям. В середине ноября 1950 года в состав Песчанлага были переданы все действующие и строящиеся лагерные отделения Лугового лагеря и Экибастузское отделение Степного лагеря, ставшее 6-м лагерным отделением Песчанлага. Позднее на базе этого отделения был организован 11-й особый лагерь — Дальлаг [4; 10-11].

Особую известность Песчанлаг получил из-за единственной массовой забастовки заключённых, прошедшей в январе 1952 года в 6-м лагерном отделении Экибастуза. Это событие, наряду с Кенгирским восстанием, стало частью повествования в произведении Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», опубликованного в 1959 году, в частности, в главе «Цепи рвём на ощупь» третьего тома [21; 224]. Эти лагеря и события связаны с трагическими страницами истории Казахстана, оставившими глубокий след в памяти народа.

В Павлодарском Прииртышье воздвигнуты памятники и мемориалы, посвящённые Великой Отечественной войне, увековечивающие подвиг павших солдат и самоотверженный труд тыловиков. Из Павлодарской области на фронт мобилизовано свыше 40 тысяч человек, из которых около 22 тысяч не вернулись домой. Массовая мобилизация началась во второй половине 1941 года и продолжалась в 1942 году. В 1943 году более половины призванных из региона солдат погибли, пропали без вести или скончались от тяжёлых ранений. Они участвовали во всех крупных сражениях войны, и более 10 тысяч из них были награждены боевыми наградами. 23 уроженца Павлодарской области удостоены звания Героя Советского Союза, а 8 человек стали полными кавалерами ордена Славы. Среди них Серикбай Муткенов, Махмут Каирбаев, Кудайберген Сураганов и другие [22; 435].

Важное место в формировании травматической памяти Павлодарского Прииртышья занимают свидетельства участников Великой Отечественной войны. Их личные нарративы позволяют проследить, каким образом фронтовой опыт, военные утраты и послевоенная адаптация закрепились в коллективной памяти региона.

Показательным является воспоминание Абишева Манапа Абишевича, уроженца аула Карагаш Иртышского района. Он отмечал, что война застала его в Бессарабии, где он проходил службу в рядах Красной армии и был зачислен в 353-й стрелковый полк. Он участвовал в боях за взятие Кёнигсберга, а также в боевых действиях против империалистической Японии. После окончания войны, в 1946 году, Абишев Манап Абишевич вернулся в родной совхоз «Северный» Иртышского района.

Документально лаконичным, но содержательно насыщенным является свидетельство Айбасова Базарбая Тулебаевича, уроженца села Белоусовка Успенского района. В анкете ветерана Великой Отечественной войны им было кратко зафиксировано боевое путешествие: «Бой под Москвой. Взятие г. Бранденбурга, г. Берлина. Взятие г. Кёнигсберга. Освобождение Варшавы. Минска» [14; 246]. За сдержанной формой подобного изложения скрывается глубокий травматический опыт, связанный с участием в ключевых сражениях войны и личными потерями. На фронтах Великой Отечественной войны погибли два брата Б.Т. Айбасова. В 1945 году он вернулся в родное село Белоусовка, где продолжил мирную жизнь.

Память о подвиге павлодарцев сохранена в многочисленных мемориалах, расположенных в каждом районном центре Павлодарской области. Ежегодно жители региона отмечают День Победы и чтут память героев, защищавших свои земли от немецко-фашистского ига.

Одним из значимых мемориалов в Павлодаре является Обелиск Славы, расположенный между улицами Каирбекова, Бектурова и Кривенко. Мемориал представляет собой архитектурно-скульптурную композицию, центральным элементом которой являются три остроконечных трёхгранных обелиска в виде штыков высотой 24 метра. Они установлены на трапециевидном стилобате с ук-

лоном. Перед обелисками находятся бронзовый венок и пятиконечная звезда с Вечным огнём. По обе стороны размещены трапециевидные плиты из красного гранита с датами 1941 и 1945 годов и изображениями пятиконечных звёзд (Рис.3).

Рисунок 3. Обелиск Славы.

Со стороны улицы Бектурова от входа в сквер к площади с обелиском проходит широкая Аллея Героев. По обе стороны аллеи установлены высокие пилоны на одноступенчатом основании, на лицевой грани которых размещены барельефы с погрудными изображениями Героев Советского Союза. В 2007 году мемориал обследовала экспедиция отдела Свода НИПФ РГП «Казреставрация» под руководством Г.М. Камаловой, целью которой было зафиксировать его техническое состояние, описать художественно-архитектурные особенности и подготовить рекомендации по реставрации. Включение памятника в профессиональный мониторинг подчёркивает признание его историко-культурной ценности и стремление обеспечить сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны для будущих поколений [18; 460].

Эти мемориалы и памятники играют важную роль в культурной и исторической памяти региона, служа напоминанием о мужестве и жертвенности павлодарцев в годы Второй мировой войны. Они сохраняют память о конкретных героях и одновременно способствуют воспитанию патриотизма среди молодого поколения, подчёркивая значимость исторического наследия.

Обсуждение

В исследовании использованы теоретические рамки, разработанные Пьером Нора [7], Морисом Хальбваксом [23], Яном и Алейдой Ассман [24], а также отечественными учёными К. Медеуовой, У. Сандыбаевой и К. Ермагамбетовой [13]. Теория места памяти Пьера Нора позволила осмыслить, каким образом определённые места и объекты приобретают статус символов исторической памяти и как они функционируют в общественном сознании. В этой оптике места памяти выступают ключевыми элементами, обеспечивающими сохранение коллективного воспоминания и его трансформацию в изменяющемся социальном и культурном контексте.

Значимым исследователем мест травматической памяти является Андреас Хюссен [9]. Его работы посвящены травматическим событиям XX века и используют метафору «палимпсестов» для описания многослойности городской памяти и пересечения исторических пластов, связанных с политической памяти, мемориальными музеями и памятниками на местах трагических событий. Анализ Хюссена позволяет рассматривать мемориалы как материально закреплённые формы работы с коллективной травмой.

Важны также труды Марианны Хирш [10] и Александра Эткинда [11]. Концепция постпамяти Хирш помогает объяснить механизмы передачи травматического опыта через семейные истории и культурные артефакты, а подход Эткинда к коллективному трауру позволяет анализировать репрессивное прошлое как поле длительного символического «незавершённого» переживания.

В этой связи следует упомянуть труд Сары Кэмерон [15], подробно описавшей трагедии голода на территории Казахстана и тем самым расширившей исследовательский контекст травматической памяти о событиях 1930-х годов.

Коллективная работа казахстанских учёных К. Медеуовой, У. Сандыбаевой, К. Ермагамбетовой и соавторов предложила концептуальные рамки для понимания специфики травматической памяти в казахстанской истории [13]. Исследование подчёркивает её сложность и многослойность, акцентируя внимание на опыте депортированных этнических групп и их интеграции в казахстанское общество. Использование выводов авторов о влиянии исторических травм на современную национальную идентичность и культурное наследие позволило глубже интерпретировать роль мест травматической памяти в формировании общественного сознания.

Обсуждение результатов показывает, что места травматической памяти в Павлодарском Прииртышье являются ключевыми элементами культурного ландшафта региона и выполняют функции сохранения исторической памяти и символического конструирования национальной идентичности. Они помогают не только увековечивать память о жертвах, но и артикулировать значимость этих событий для современного общества. Такие пространства становятся символами стойкости и мужества, напоминая о тяжёлых испытаниях, через которые прошёл народ Казахстана.

Сакрализация мест памяти и их включённость в ритуалы и памятные церемонии демонстрируют, как историческая память воплощается в устойчивых практиках, усиливающих чувство принадлежности к общему прошлому. Важно отметить, что эти места могут способствовать укреплению межэтнического согласия и взаимопонимания, поскольку память о трагических событиях формирует поле общих переживаний и солидарности. Следовательно, изучение мест травматической памяти в Павлодарском Прииртышье имеет не только историческое, но и социокультурное значение, способствуя формированию более зрелого и ответственного отношения к собственной истории и культуре.

Заключение

Исследование мест травматической памяти в Павлодарском Прииртышье позволяет глубже понять историческое и культурное наследие региона, а также роль этих мест в формировании национальной идентичности и коллективной памяти казахстанского общества. Травматические события — политические репрессии, голод, депортации и войны — оставили неизгладимый след в истории региона и в сознании его жителей. Анализ данных мест способствует не только переосмыслению прошлого, но и формированию более осознанного отношения к собственной истории у современного поколения.

Во-первых, изучение мест травматической памяти играет существенную роль в восстановлении исторической справедливости: оно позволяет сохранить память о жертвах трагических событий и отдать дань уважения их стойкости и мужеству. Мемориальные комплексы, памятники и иные места памяти выступают символами, напоминающими о тяжёлых испытаниях, через которые прошёл народ Казахстана.

Во-вторых, данные места усиливают чувство сопричастности историческим событиям. Посещение мемориалов и участие в памятных мероприятиях помогают молодому поколению глубже понять трагедии прошлого и их значение для настоящего. Тем самым они становятся инструментом передачи культурных и моральных ценностей, формируя ответственность за историческое наследие.

В-третьих, сохранение и исследование мест травматической памяти способствует укреплению общественного согласия и взаимопонимания между различными этническими и социальными группами. Казахстан как полиэтническое государство заинтересован в сохранении знания о важности исторической памяти, которая объединяет людей независимо от различий и служит основанием для устойчивого общественного развития.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации проекта финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Отарлық, кеңестік және тәуелсіз Қазақстандағы «естелік орындарды» киелі етудің тарихи-өлкелік тәжірибесі (Павлодар облысы мысалында)» (Локально-историческая практика сакрализации «мест памяти» в колониальном, советском и независимом Казахстане (на примере Павлодарской области) (регистрационный номер AP19176474)

Список литературы

- 1 Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессии (20-50 годы XX века) [в 31 т.] / под общ. ред. Е.Т. Карина. — Астана, 2022. — Т. 17. Политические репрессии в Павлодарском регионе. Сборник документов и материалов. — 336 с.
- 2 Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов [в 3-х т.] / сост.: Ж.Т. Байкаш, Е.М. Грибанова, М.Т. Жылгелдинов, Е.В. Чиликова. — Алматы: LEM, 2019. — Т. 3. — 708 с.
- 3 «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории». Интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 годы в Казахстан / под общ. ред. Б.И. Ракишевой // Серия «Устная история». — Астана, 2013. — 683 с.
- 4 Азалы кітап. Атылғандардың тізімдері / Құраст.: В.Д. Болтина, Л.В. Шевелева; орыс тілінен ауд.: Г.Б. Ақылбек, Ж.Б. Әлжанова, Л.Ш. Кешубай, У.М. Мақұлов. — 1-шығ. — Павлодар: «ЭКО» ҒӨФ ЖШС, 1999. — 222 б.
- 5 Болтина В.Д. Строкой архивного документа / В.Д. Болтина. — Павлодар: Типография Сытина, 2012. — 768 с.
- 6 Государственный архив Павлодарской области Республики Казахстан (далее — ГАПО РК). — Ф. 91. — Оп. 1. — Д. 6.
- 7 ГАПО РК. — Ф. 128. — Оп. 1. — Д. 32.
- 8 Нора П. и др. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. — 328 с.
- 9 Huyssen A. Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory / A. Huyssen. — Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. — 177 p.
- 10 Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Front Cover / M. Hirsch. — Columbia University Press, 2012. — 305 p.
- 11 Etkind A. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied (Cultural Memory in the Present) / A. Etkind. — CA: Stanford University Press, 2013. — 328 p.
- 12 Татимов М. Демографиядан демократияға дейін / М. Татимов. — Алматы: «НұрлыPress Kz», 2016. — 400 б.
- 13 Медеуова К.А. Практики и места памяти в Казахстане: коллективная монография / К.А. Медеуова, У.М. Сандыбаева, З.Ж. Наурызбаева, Д.Т. Толгамбаева, К.С. Ермаганбетова, Д.Н. Мельников, М.Ж. Кикимбаев, А.Ч. Рамазанова, А.Б. Тлепбергел, Е.Ж. Жетібаев, А. Оразбаева. — Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. — 320 с.
- 14 Болтина В.Д. Немыслима без архива жизнь / В.Д. Болтина. — Павлодар: ТОО НІПФ «ЭКО». — 2004. — 611 с.
- 15 Камерон С. Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана / С. Камерон; пер. с англ. — Москва: Новое литературное обозрение, 2020. — 354 с.
- 16 Омарбеков Т. Зобалаң: Күштеп ұжымдастыруға қарсылық. 1929-31 жылдары болған халық наразылығы / Т. Омарбеков. — Алматы: Санат, 1994. — 272 б.
- 17 ГАПО РК. — Ф. 128. — Д. 1. — Д. 34.
- 18 ГАПО РК. — Ф. 128. — Оп. 1. — Д. 38.
- 19 Қазақстанның өңірлік қасиетті нысандары = Региональные сакральные объекты Казахстана / жау. ред. Б. Әбдіғалиұлы. — Астана: Фолиант, 2017. — 504 б.
- 20 Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья / Ю.И. Подопригора. — Алматы: ТОО «Полиграфсервис» 2010. — 160 с.
- 21 Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования [в 3-х т.] / А. Солженицын. — Екатеринбург; У-Фактория, 2006. — Т. 3. — 630 с.
- 22 Павлодарское Прииртышье: энциклопедия / под ред. Е.М. Арын. — Алматы: Эверо, 2003 — 678 с.
- 23 Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2-3(40-41). — С. 8–27.
- 24 Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

М.И. Рахимов, Н.У. Шаяхмет, Г.И. Рахимова

Павлодардың Ертіс өңіріндегі травматикалық естелік орындарына тарихи-мәдени талдау

Мақалада Павлодардың Ертіс өңіріндегі травматикалық жад орындары өңірдің мәдени мұрасының маңызды бөлігі ретінде қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі саяси қуғын-сүргін, ашаршылық, депортациялар және олармен тығыз байланысты әлеуметтік үдерістерді қоса алғанда, тарихтың күрделі әрі трагедиялық беттерін ұлттық бірегейлікті қалыптастыру мен тарихи әділеттілікті қалпына келтіру контексінде ғылыми тұрғыда пайымдау қажеттілігімен айқындалады. Осыған байланысты

зерттеудің мақсаты Павлодардың Ертіс өңіріндегі негізгі травматикалық жад орындарын анықтау мен талдау, сондай-ақ олардың қазіргі қоғамдағы тарихи жадты сақтау және ұрпаққа жеткізудегі рөлін айқындау. Зерттеу нәтижелері өңірдегі травматикалық жад орындарының тек ресми түрде рәсімделген ескерткіштермен ғана шектелмейтінін көрсетеді. Олар ауызша дәстүрлерде, жергілікті тәжірибелерде және кеңістікті киелендірудің түрлі формаларында орныққан символдық жад локустары ретінде де көрініс табады. Бұл орындардың жергілікті тұрғындар санасында ұжымдық тәжірибенің маңызды маркерлері ретінде қабылданып, өткенді ұғынуға, қоғамдық келісім мен ортақ құндылықтарды қалыптастыруға, әсіресе жастар ортасында, ықпал ететіні анықталды. Қорытындылай келе, Павлодардың Ертіс өңіріндегі травматикалық жад орындарын зерттеу және сақтау тарихи сананы нығайтуға, ұлттық бірегейлікті орнықтыруға және мәдени жадтың сабақтастығын қамтамасыз етуге елеулі үлес қосатыны тұжырымдалды. Зерттеу нәтижелерін ғылыми-зерттеу және білім беру қызметінде, сондай-ақ өңірдің тарихи-мәдени мұрасын сақтау мен насихаттауға арналған бағдарламаларды әзірлеуде қолдануға болады.

Кілт сөздер: Павлодардағы Ертіс өңірі, мемориалдар, тәу ету үрдісі, тарихи-мәдени талдау, травматикалық естелік орындар, саяси репрессиялар, аштық, депортация, ұлттық бірегейлік, тарихи әділеттілік.

M.I. Rakhimov, N.U. Shayakhmet, G.I. Rakhimova
**Historical and Cultural Analysis of Sites of
Traumatic Memory in the Pavlodar Irtysh Region**

The article examines sites of traumatic memory in the Pavlodar–Irtysh region as an important component of the region’s cultural heritage. The relevance of the study is обусловлена by the need for scholarly reflection on complex and tragic chapters of history, including political repression, famine, deportations, and closely related social processes, within the context of shaping national identity and restoring historical justice. In this regard, the aim of the study is to identify and analyze the key sites of traumatic memory in the Pavlodar–Irtysh region, as well as to determine their role in preserving historical memory and transmitting it to future generations in contemporary society. The research findings demonstrate that sites of traumatic memory in the region are not limited to officially established monuments. They are also manifested as symbolic loci of memory embedded in oral traditions, local practices, and various forms of sacralization of space. These sites are perceived by local residents as significant markers of collective experience, contributing to the understanding of the past and to the formation of social cohesion and shared values, particularly among young people. In conclusion, the study argues that the research and preservation of sites of traumatic memory in the Pavlodar–Irtysh region make a substantial contribution to strengthening historical consciousness, consolidating national identity, and ensuring the continuity of cultural memory. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its findings in research and educational activities, as well as in the development of programs aimed at preserving and promoting the historical and cultural heritage of the region.

Keywords: Pavlodar Irtysh region, memorials, sacralization, historical-cultural analysis, traumatic memory, political repression, famine, deportation, national identity, historical justice.

References

- 1 Karin, E.T. (Eds.). (2022). *Saiasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau zhonindegi Memleketтік komissiiyanyn materialdary (XX gasyrdyn 20-50 zhyldary) = Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50-e gody XX veka) [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression (1920s–1950s)]. (Vols. 1-31). Vol. 17. *Politicheskie repressii v Pavlodarskom regione. Sbornik dokumentov i materialov — Political repression in the Pavlodar region. Collection of documents and materials Political repression in the Pavlodar region. Collection of documents and materials.* Astana [in Russian].*
- 1 Baikash, Zh.T., Gribanova, E.M., Zhygeldinov, M.T., & Chilikova, E.V. (Comp.). (2019). *Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939–1945 gg. Sbornik dokumentov [From the History of Deportations. Kazakhstan. 1939–1945. Collection of Documents]. (Vols. 1-3; Vol. 3). Almaty: LEM [in Russian].*
- 2 Rakysheva, B.I. (Ed.). (2013). *Deportatsiia narodov v Kazakhstan v 1930–1950 gg.: obshchnost istorii (Interviu s postradavshimi ot deportatsii v 1930–1950 gody v Kazakhstane) [Deportation of Peoples to Kazakhstan in the 1930s–1950s: A Shared History (Interviews with Victims of Deportations in Kazakhstan in the 1930s–1950s)]. Seriya «Ustnaia istoriia» — “Oral History” Series.* Astana [in Russian].
- 3 Boltina, V.D., & Sheveleva, L.V. (Comp.). (1999). *Azaly kitap. Atylgandardyn tizimderi [The Book of Mourning. Lists of the Executed]. G.B. Akylbek, Zh.B. Alzhanova, L.Sh. Keshubai, U.M. Makulov (Trans). Issue 1. Pavlodar: «ECO» GOF ZhShS [in Kazakh].*
- 4 Boltina, V.D. (2012). *Stroki arkhivnogo dokumenta [The Line of an Archival Document]. Pavlodar: Tipografiia Sytina [in Russian].*
- 5 GAO RK [State Archives of Pavlodar Region of the Republic of Kazakhstan]. — F. 91. — Op. 1. — D. 6 [in Russian].

- 6 GAPO RK [State Archives of Pavlodar Region of the Republic of Kazakhstan]. — F. 128. — Op. 1. — D. 32 [in Russian].
- 7 Nora, P., Ozyf, M., Piuimezh de J., & Binok, M. (1999). *Frantsiia-pamiat* [France-memory]. Saint Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [in Russian].
- 8 Huysen, A. (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- 9 Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Front Cover*. Columbia University Press.
- 10 Etkind A. (2013). *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied (Cultural Memory in the Present)*. CA: Stanford University Press.
- 11 Tatimov, M. (2016). *Demografiadan demokratiaga deiin* [From demography to democracy]. Almaty: «Nurly Press Kz» [in Kazakh].
- 12 Medeuova, K.A., Sandybaeva, U.M., Nauryzbaeva, Z.ZH., Tolgambayeva, D.T., Ermaganbetova, K.S., Melnikov, D.N., Kikimbaev, M.ZH., Ramazanova, A.CH., Tlepbergen, A.B., Zhetibaev, E.ZH., Orazbaeva, A. (2017). *Praktiki i mesta pamiati v Kazahstane* [Practices and places of memory in Kazakhstan]. Astana: Evraziiskoi Natsionalnoi Unicersitet imeni L.N. Gumileva [in Russian].
- 13 Boltina, V.D. (2004). *Nemyslima bez arkhiva zhizn* [Life Is Unthinkable Without the Archive]. Pavlodar: TOO NPF «EKO» [in Russian].
- 14 Kameron, S. (2020). *Golodnaia step: golod, nasilie i sozдание Sovetskogo Kazakhstana* [The Hungry Steppe: Famine, Violence and the Creation of Soviet Kazakhstan]. (Trans). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 15 Omarbekov, T. (1994). *Zobalan: Kushtep uzhyndastyruqa qarsylyq. 1929-31 zhyldary bolgan khalyk narazylygy* [Repression: Resistance to forced collectivization. The popular unrest of 1929–1931.] Almaty: Sanat [in Kazakh].
- 16 GAPO RK [State Archives of Pavlodar Region of the Republic of Kazakhstan]. — F. 128. — Op. 1. — D. 34 [in Russian].
- 17 GAPO RK [State Archives of Pavlodar Region of the Republic of Kazakhstan]. — F. 128. — Op. 1. — D. 38 [in Russian].
- 18 Abdigaliuly, B. (Eds.). (2017). *Qazaqstannyn onirlik qasietti nysandary* [Regional sacred objects of Kazakhstan]. Astana: Foliant [in Kazakh].
- 19 Podoprigora, Y.I. (2010). *Nemtsy Pavlodarskogo Priirtyshia* [The Germans of the Pavlodar Irtysh Region]. Almaty: TOO «Poligrafservis» [in Russian].
- 20 Solzhenitsyn, A. (2006). *Arhipelag GULAG. 1918-1956: Opyt khudozhestvennogo issledovaniia* [The Gulag Archipelago. 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation]. (Vols. 1-3). Vol. 3. Yekaterinburg: U-Faktoria [in Russian].
- 21 Aryn, E.M. (Eds.). (2003). *Pavlodarskoe Priirtyshe: entsiklopediia* [Pavlodar Irtysh region: encyclopedia]. Almaty: Evero [in Russian].
- 22 Halbvaks, M. (2005). Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas — Emergency reserve*, 2-3(40-41), 8-27 [in Russian].
- 23 Assman, Ya. (2004). *Kulturnaia pamiat: pismo, pamiat o proshlom i politicheskaiia identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury [in Russian].

Сведение об авторах

Рахимов Мад — PhD, постдокторант кафедры истории Казахстана, Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0002-5051-2130>

Шаяхмет Нұрбек — доктор исторических наук, профессор, Astana IT University, Астана, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0003-4230-8110>

Рахимова Гульжазира — магистр гуманитарных наук, старший преподаватель, Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0002-8841-6339>

Information about the authors

Rakhimov Madi — PhD, Postdoctoral Researcher, Toraigyrov University, Pavlodar, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0002-5051-2130>

Shayakhmet Nurbek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Astana IT University, Astana, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0003-4230-8110>

Rakhimova Gulzhazira — Master of Arts, Senior Teacher, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0002-8841-6339>